

УДК 93/94.902.21.394

КАРШИНСКАЯ ВОЛОСТЬ И КАРШИНЦЫ В СОСТАВЕ БАШКИРИИ В XVIII В.

Д. Ж. УРАКОВ¹⁾, Ш. Б. ШОНАЗАРОВ¹⁾

¹⁾Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека,
ул. Университетская, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекистан

Аннотация. Изучается история Каршинской волости – одной из волостей Башкирии в XVIII в., а также вопрос о вхождении каршинцев в состав населения Башкирии. Их коренное поселение по наименованию рода называлось «Каршин». Вероятно, этноним «каршин» является производным от слова «карши» и обозначает дворцовую или крепостную стражу. Во второй трети XVIII в. имела место миграция переселенцев из Средней Азии в юго-восточные пределы России. Термином «каршилик» население Восточной Бухары в основном именовало выходцев из Карши или Каршинского оазиса. Первым районом расселения племени было левобережье р. Белой. Вотчиной башкир рода Каршин являлась вся долина р. Кармасан. После присоединения Башкирии к Русскому государству правительство последнего закрепило за башкирскими общинами занимаемые ими земли на основе вотчинного права. Считается, что башкиры первыми перешли к земледелию. Они являлись вотчинниками, а остальные народы – переселенцами, которые не имели своих наделов и жили на башкирских землях. Жители Каршинской волости связывали историю своего поселения с именем Шарипа Мрякова. Сохранились архивные документы, свидетельствующие о службе башкир-каршинцев в Касимовском ханстве. Отмечается, что башкиры были лояльными к русской администрации.

Ключевые слова: этнос; инородцы; Каршинская волость; каршин; миграция; дворец; стража; башкиры; Россия; Средняя Азия; вотчина; земледелие; поселения; администрация; старшина; служба.

КАРШЫНСКАЯ ВОЛАСЦЬ І КАРШЫНЦЫ Ў СКАДЗЕ БАШКІРЫІ Ў XVIII ст.

Д. Ж. УРАКАЎ^{1*}, Ш. Б. ШАНАЗАРАЎ^{1*}

^{1*}Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека,
вул. Універсітэцкая, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекістан

Анатацыя. Вывучаецца гісторыя Каршынскай воласці – адной з валасцей Башкірыі ў XVIII ст., а таксама пытанне аб уваходжанні каршынцаў у склад насельніцтва Башкірыі. Іх карэннае пасяленне па найменні роду называлася «Каршын». Верагодна, этнонім «каршын» з’яўляецца вытворным ад слова «каршы» і абазначае дворцовую ці прыгонную варту. У другой трэці XVIII ст. мела месца міграцыя перасяленцаў з Сярэдняй Азіі ў паўднёва-ўсходнія межы Расіі. Тэрмінам «каршылік» насельніцтва Усходняй Бухары ў асноўным называла выходцаў з Каршы ці Каршынскага аазіса. Першым раёнам рассялення племя было левабярэжжа р. Белай. Вотчынай башкіраў роду Каршын з’яўлялася ўся даліна р. Кармасан. Пасля далучэння Башкірыі да Рускай дзяржавы ўрад апошняй замацаваў за башкірскімі абшчынамі

Образец цитирования:

Ураков ДЖ, Шоназаров ШБ. Каршинская волость и каршинцы в составе Башкирии в XVIII в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;4:25–32. EDN: WKVKDL

For citation:

Urakov DZ, Shonazarov ShB. Karshin volost and Karshin people in Bashkiria in the 18th century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;4:25–32. Russian. EDN: WKVKDL

Авторы:

Дилшодбек Жамолитдинович Ураков – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всемирной истории исторического факультета.

Шухрат Буриевич Шоназаров – старший преподаватель кафедры археологии и этнологии исторического факультета.

Authors:

Dilshodbek Z. Urakov, doctor of science (history), full professor; head of the department of world history, faculty of history.

urakov.d.nuuz@gmail.com

Shuxrat B. Shonazarov, senior lecturer at the department of archeology and ethnology, faculty of history.

suhratsonazarov742@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9307-2294>

землі, якія яны займалі, на аснове вотчыннага права. Лічыцца, што башкіры першымі перайшлі да земляробства. Яны з'яўляліся вотчыннікамі, а астатнія народы – перасяленцамі, якія не мелі сваіх надзелаў і жылі на башкірскіх землях. Жыхары Каршынской воласці звязвалі гісторыю свайго пасялення з імем Шарыпа Мракова. Захаваліся архіўныя дакументы, якія сведчаць аб службе башкіраў-каршынцаў у Касімаўскім ханстве. Адзначаецца, што башкіры былі лаяльнымі да рускай адміністрацыі.

Ключавыя словы: этнас; іншародцы; Каршынская воласць; каршын; міграцыя; дварэц; варта; башкіры; Расія; Сярэдняя Азія; вотчына; земляробства; пасяленне; адміністрацыя; старшыня; служба.

KARSHIN VOLOST AND KARSHIN PEOPLE IN BASHKIRIA IN THE 18th CENTURY

D. Z. URAKOV^a, Sh. B. SHONAZAROV^a

^aNational University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
4 Universitetskaya Street, Tashkent 100174, Uzbekistan

Corresponding author: Sh. B. Shonazarov (suhtratsonazarov742@gmail.com)

Abstract. The history of the Karshin volost (one of the volosts of Bashkiria in the 18th century) and the question of the integration of the Karshin people into the population of Bashkiria are studied. Their native settlement, named after clan, was called «Karshin». It is likely that the ethnonym «Karshin» is derived from the word «Karshi» and denotes a palace or fortress guard. In the second third of the 18th century, there was migration of settlers from Central Asia to the south-eastern borders of Russia. The term «Karshilik» was mainly used by the population of Eastern Bukhara to refer people originating from Karshi or the Karshin oasis. The first area of settlement of the tribe was the left bank of the Belaya River. The patrimony of the Bashkirs of the Karshin clan encompassed the entire valley of the Karmasan River. After the annexation of Bashkiria to the Russian state, the latter's government secured the lands occupied by Bashkir communities based on estate law. It is believed that the Bashkirs were the first to take up agriculture. They were patrimonial landowner, whereas other peoples were settlers who did not have their own allotments and lived on Bashkir lands. The inhabitants of the Karshin volost linked the history of their settlement with the name of Sharip Mryakov. Archival documents have been preserved testifying to the service of Bashkir Karshin people in the Kasimov Khanate. It is noted that the Bashkirs were loyal to the Russian administration.

Keywords: ethnos; foreigners; Karshin volost; Karshin; migration; palace; guard; Bashkirs; Russia; Central Asia; patrimony; agriculture; settlements; administration; foreman; service.

Введение

Становление Российской империи характеризовалось наличием ряда признаков, включая огромную территорию, сформированную в ходе экспансии, многонациональную универсалистскую политику и централизованное управление. Включение в ее состав новых земель, часто населенных представителями разных этносов и религий, поставило вопрос о методах их эффективной интеграции [1, с. 71]. Политика управления этими территориями разрабатывалась исходя из особенностей конкретных народов на каждом этапе развития, в том числе учитывалась их конфессиональная принадлежность.

Политика Русского царства в отношении народов Среднего Поволжья и Южного Урала после 1552 г. перестала быть внешней и стала внутренней. После присоединения названных территорий государство столкнулось с необходимостью решения националь-

ного вопроса, что предполагало упрощение этнокультурной картины, сближение тюрок и финно-угров с восточными славянами. Главной задачей являлось завоевание лояльности неславянских народов Поволжья и Урала к новой власти [2, с. 227, 236].

Цель настоящего исследования – освещение некоторых аспектов миграции каршинцев, входивших в XVIII в. в состав башкирского народа, и их лояльности к русской администрации. Также разъясняется, какую роль каршинцы сыграли в освоении Каршинской волости Российской империи в XVIII–XIX вв., в частности в расширении его административно-политического и демографического пространства. Кроме того, внимание уделяется вопросам региональной политики в отношении инородцев России (особенно населения Поволжья и Урала), связанным с последствиями для башкирского этноса.

Историография

Согласно современным научным работам, посвященным освоению Поволжья и Урала инородцами в XVIII–XIX вв., в названное время в регионе

происходило формирование многонационального населения. Одним из важных исследований на эту тему является этнографический труд Р. Г. Кузеева

«Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения», в котором содержатся данные о родо-племенном делении башкир, местах их расселения и численности отдельных групп.

К образу сибирского инородца обращались такие современные исследователи, как М. О. Акишин, Е. В. Самрина и др. Определенные аспекты хозяйства, культуры и быта башкир затронуты в работах Б. А. Азнабаева, Р. Ф. Масагутова, И. Г. Гиниятова, Л. Ф. Тагирова, А. И. Акманова и А. И. Ногманова. Так, Б. А. Азнабаев изучил башкирское общество XVII – первой трети XVIII в. и показал его трансформацию после вхождения в 1557 г. в состав населения Русского государства, развитие полукочевого скотоводства, сочетавшегося с земледелием, охотой и бортничеством.

Следует отметить, что в настоящей работе использованы данные опубликованных документов, содер-

жащихся в многотомных изданиях «История башкирских родов», «Южноуральский археографический сборник» и т. д. Для характеристики политического и социально-экономического положения среднеазиатских ханств в рассматриваемый период были изучены исследования В. В. Бартольда, М. Е. Массона и О. А. Сухарева. Интересные материалы по истории народов представлены в фундаментальном труде «История Узбекской ССР» [3]. Также проанализированы работы Х. З. Зияева и других ученых, исследовавших историю государств Средней Азии и их отношения с иными странами. Взаимодействие оседлого и кочевого населения, которое обусловило специфику судеб населения Средней Азии, освещено в публикации Б. Х. Кармышевой. Автор охарактеризовала внутреннюю структуру племен, сохранивших традиционное членение на различные подразделения и ветви.

Основная часть

К середине XVIII в. устаревший термин «иноземцы» стал вытесняться более актуальными понятиями «иноверцы» и «ясачные». Представители имперской власти разрабатывали новую терминологию для классификации нерусских подданных, что отражало переосмысление их положения в социально-экономической и правовой системе государства и готовность к изменению их статуса на разных этапах истории [4, с. 185]. Важнейшим документом в Своде законов Российской империи, который был предназначен для обеспечения рационального управления этносами, проживавшими на территории Российской империи, стал Устав об управлении инородцев (1822), вошедший в доработанном виде в Положение об инородцах (1892) [5, с. 52]. Согласно данному документу народы разделялись на оседлых, кочевых и бродячих инородцев [6, с. 414]. Под инородцами подразумевались жившие на территории России племена, которые имели более низкий уровень экономического развития: башкиры, самоеды, калмыки и т. д. Они пользовались такой выгодной привилегией, как несение воинской повинности [7, с. 61, 63].

После завоевания Казанского ханства Русское царство было вынуждено разработать новую политику взаимодействия с коренным населением. В отношении местной знати применялся следующий подход: татарские аристократы, принявшие русское подданство, получали жалованные грамоты и сохраняли свои земли, привилегии. Необходимо отметить, что значительно изменилась этническая, этнокультурная и этноконфессиональная структура страны, резко увеличилась доля народов тюркской и финно-угорской групп в ее населении [2, с. 227]. Во многих

исследованиях указано, что башкиры представляли собой не этническую, а сословную группу, возникшую после вхождения Южного Урала в состав Русского государства. Они якобы являлись «татарами Беловоложского улуса», «татаризированными» финно-уграми (иштяками), «ногайскими татарами»¹.

Исторически башкирский народ делился на более чем 40 территориально-клановых групп, каждая из которых, по преданию, вела свое происхождение от общего предка. Р. Г. Кузеев подчеркнул, что в башкирские общины нередко вливались группы не только из башкирских племен, но и из других этнических образований [8, с. 453]. В составе башкир выделялись юго-восточная, северо-восточная, северо-западная и юго-западная этнографические группы. В свою очередь, северо-западная этнографическая группа разделялась на икскую, нижнебельскую и северную подгруппы. В икскую подгруппу входили такие племена, как байлар, буляр, иректы и юрми, в нижнебельскую подгруппу – племена гирей, елан, ельдяк, еней, канглы, каршин, кыргызы². О происхождении ряда башкирских родов написал ученый А.-З. Валиди в статье «Среди бурзянских башкир», опубликованной в 1913 г. на страницах журнала «Шура»: «Среди зафиксированных башкирских волостей (племен. – Д. У., III. III.) Мин, Табын, Кыпчак, Тамъян, Миркит, Катар, Гирей, Тазлар, Кыргыз являются родами тюркского происхождения. Однако другие – Арлар, Саралы, Уваныш, Кувакан, Каршин и другие им подобные – финно-угорского происхождения» (цит. по [9, с. 14]).

По мнению ученого Р. Г. Кузеева, башкиры-каршинцы были частью «кыпчакской миграционной волны (кыпсак-токсоба, сэнким, карый-кыпсак, бушман, канглы, каршин, кыргызы и др.)» (цит. по [9, с. 16]),

¹Башкиры Чекмагушевского района Республики Башкортостан : науч. справ. / С. И. Хамидуллин [и др.]. Уфа : Центр изучения истор. наследия Башкортостана «Шежере», 2019. С. 11.

²Народы Башкортостана : энциклопедия / ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа : Башк. энцикл., 2014. С. 55.

которая в период монгольского нашествия вошла в состав башкирского народа. Этнограф сделал вывод о таком происхождении каршинцев, полагая, что их предки являлись выходцами из Дешт-и-Кипчака, которых монголы вытеснили на территорию Башкирии в XIII в. Он считал, что этноним «каршин» образовался от корня «карши» и отыменного суффикса -н- и что каршинцы имеют тюркское, а не финно-угорское происхождение [9, с. 15–16; 10, с. 27; 11, с. 209].

В конце XVIII в. насчитывался 121 башкирский род, а также 1693 родовых подразделения. Более 10 % родовых подразделений башкир, а именно 173 подразделения, были образованы выходцами из калмыков, татар, ногаев, чувашей, мари, а также из народов Средней Азии [12, с. 136]. Таким подразделением был род Каршин, давший название волости [9, с. 14].

В состав рода Каршин входили кадрай-каршин, карга-каршин и сатлыган-каршин. Эти тьюбы восходят к монгольским и тюркским племенам Алтая и Центральной Азии³. Вероятно, наименование рода появилось после завоевания Мавераннахра Чингисханом. В правление Кебек-хана столица Чагатайского улуса была перенесена из долины р. Или (Восточный Туркестан) на территорию оседлых районов Мавераннахра, где в низовьях р. Кашкадарья хан построил дворец [13, с. 17]. Нахшеб (Несеф) – город, в котором был возведен этот дворец, – получил название «Карши», восходящее к слову монгольского происхождения «харш», что означает «дворец, особняк»⁴ [14, с. 156; 15, с. 450]. Согласно Махмуду ал-Кашгари (XI в.) слово «карши» означает «шахский дворец» [16, с. 347]. Об упомянутом выше городе Хафиз-и Абру сообщил следующее: «Город имеет небольшую цитадель; соборная мечеть находится внутри цитадели. Здесь имеется гробница царя Кебека. Здания выстроены из глины, кроме соборной мечети и салтанских гробниц, выстроенных из жженого кирпича с глазурью. <...> ...Царь Кебек выстроил здесь дворец, от которого город получил такое название» (перевод наш. – Д. У., III. III.) (цит. по [17, с. 213]). Крепость Карши построена во времена правления Кебек-хана и расположена в 9 км к юго-западу от Несефа, на левобережье р. Кашкадарья (в 2 км от ее русла). Согласно данным археологических раскопок крепость имела квадратную форму, ее размер составлял 630×630 м, с каждой стороны располагались ворота [18, с. 72]. В XV в. Карши называли Нахшебом кешским. Историки XV и XVI вв. употребляли три названия города. Говоря о каршинской крепости, Бабур упомянул, что Баки-тархан, вступив в крепость, вырвал Карши из рук узбеков. Мухаммад Салих, историк Шейбани-хана, современника Бабура,

указывал, что Тархан вступил в Карши и укрепился там. Из этих сообщений можно заключить, что в начале XVI в. крепость продолжала быть действующим укреплением [19, с. 204–205].

Существует предположение, что этноним «каршин» является производным от слова «карши» и обозначает крепостную стражу [20, с. 10]. Так, один из кварталов современного Карши, располагающийся вокруг рынка старой части города, называется «Чакар» [21, с. 44]. Этот топоним образован сочетанием согдийских слов *sak'ir* – феодальная военная дружина, слуга и *diza* – крепость, т. е. он обозначает «крепость для феодальной дружины». Чакиры составляли особое строевое войско – личную гвардию, дружину среднеазиатских владетелей [22, с. 48]. Термин «чакиры» мог означать то же, что и слова «балыксы» и «иректе», а именно «защитники укрепленных родов» [8, с. 343].

В XIII–XVI вв. каршинцы несли службу в различных чингизидских государствах: улусе Джучи (Золотой Орде), Касимовском и Казанском ханствах. После вхождения в состав населения Русского государства служилые люди из числа каршинцев приняли участие в азовских, шведском, прусском и польском походах русской армии, а также в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе 1813–1814 гг. [9, с. 70].

Таким образом, с мусульманской эпохи до настоящего времени в долине р. Кашкадарья было два наиболее крупных города – Кеш (современный Шахрисабз) и Нахшеб (Несеф, Карши), который существовал в западной части Бухарского ханства [19, с. 197–198].

Во второй трети XVIII в. имели место миграционные волны выходцев из Средней Азии (тезиков). Они перемещались в юго-восточные регионы России, что, вероятно, было обусловлено вторжением персов Надир-шаха [23, с. 57]. В 1745 г. Сапар Осипов писал, что представители башкирского народа малыми группами издревле приходили из разных земель, а именно из Хивы, Бухары, Ташкента, Бедкешента, Самарканда и т. д. [12, с. 154].

В конце XIX – начале XX в. в Восточной Бухаре выделялись следующие прослойки оседлого узбекского населения, не имевшего родо-племенного деления: чагатаи, ходжа и так называемые каршилики (каршинцы), т. е. потомки домонгольских тюркских племен Мавераннахра и тюрко-монгольских племен периода завоевания и владычества монголов. Местное население именovalo каршиликами не только выходцев из Карши или Каршинского оазиса (хотя большинство из них имели именно такое происхождение), но и бухарцев, ургутцев, а также всех, кто приходил из западной части Бухарского ханства [24, с. 66–72].

³Каршин [Электронный ресурс] // Энциклопедия Башкортостана. URL: <http://wiki02.ru/encyclopedia/karshin/t/6607> (дата обращения: 09.09.2025).

⁴Кручин Ю. Большой современный русско-монгольский – монгольско-русский словарь. М.: АСТ, 2006. С. 848.

Родовое деление башкирского народа было основой административно-территориального деления исторического Башкортостана. В русских письменных источниках он упоминался под названиями «земля Башкирская», «Беловоложская земля», «Башкирь», «Башкирская орда», «Башкирда», а также «Башкирия»⁵. Раньше долина р. Кармасан и ее притоки (Каряка, Сикиязка и др.) являлись частью вотчинных земель башкир из рода Каршин [20, с. 6]. Род Каршин, как было отмечено выше, относился к северо-западной группе башкирского народа, селения которой сегодня расположены на территории Кушнаренковского, Уфимского, Благоварского, Чишминского, Благовещенского и Мишкинского районов Башкортостана [9, с. 70]. В прошлом Кушнаренковский район занимали канлинская (калышнская), каршинская и дуванейская башкирские волости. Первым районом расселения каршинцев считается левобережье р. Белой [25, с. 366, 371]. В XIII–XIV вв. каршинцы расселились в бассейне р. Кармасан, где они стали соседями с племенами мин, дуваней и канглы. После присоединения Башкортостана к Русскому государству (середина XVI в.) вотчинные земли племени составили Каршинскую волость Казанской дороги. В середине XVIII в. в Каршинской волости насчитывалось 77 дворов. В конце XVIII–XIX вв. территория расселения каршинцев входила в Уфимский уезд, в период кантонной системы управления (1840-е гг.) – в восьмой башкирский кантон⁶.

Появление Каршинской волости связано с именем касимовского хана Салтыгана. Из его рода вышли все старшины этой волости [26, с. 298–299]. Они же были и главными старшинами Казанской дороги [27, с. 353].

Следует отметить, что до конца XVIII в. Башкирия делилась на четыре дороги (области). Западная от Уфы часть Башкирии называлась Казанской дорогой, южная – Ногайской дорогой, восточная – Сибирской дорогой, северная – Осинской дорогой. Каждая дорога делилась на административные волости, образованные из территорий родов и племен [25, с. 7]. Башкирские волости создавались на основе вотчинных земель отдельных родов и племен, возглавлялись старостами, а затем, с 1736 г., старшинами⁷. И. К. Кирилов писал: «...башкирцы до российского подданства разделялись по родам, что с начала российского владения названо волости...» (цит. по [28, с. 11]). Б. А. Азнабаев отметил: «Башкирские волости могли создаваться российской администрацией в новых территориальных границах для решения конкретных военных, административных

или фискальных задач. В подобных ситуациях этническая гомогенность состава новой административной единицы могла учитываться властями только по большому счету. В новую волость, которую сами башкиры называли родом, нередко входили представители не только различных родов, но и иных этносов» (цит. по [29, с. 312]).

Тезики стали селиться не в городах, а в волостях. Со временем бухарские и хивинские тезики становились башкирами. Их быстрой ассимиляции башкирами способствовали языковая близость и единоверие. В 1730-х гг. на территории Уфимской провинции было три деревни, в которых жили тезики, пожалованные за различные службы. Они обладали всеми преимуществами башкирского сословия, в том числе освобождением от таможенных пошлин. В начале XIX в. эти тезики полностью слились с башкирами, сохранив лишь особые названия родов и деревень [12, с. 107].

Во главе юрта стояли старшины, непосредственно подчинявшиеся кантонному начальнику. Они назначались управляющим кантоном из числа нескольких кандидатур, выбранных чиновниками от каждого юрта [30, с. 142]. В середине XVIII в. в Оренбургской губернии насчитывалось 88 башкирских старшин и старшинских помощников. Однако почти все претензии со стороны башкирского населения Уфимской провинции были обращены к старшине Каршинской волости. В 1740 г. в Уфимской провинции существовало 58 башкирских волостей [12, с. 111, 184].

После добровольного присоединения башкир к населению Русского государства верховным собственником их земель стало государство в лице русского царя, который сохранил большую часть пахенных земель и иных угодий за прежними владельцами⁸ [31, с. 149]. Башкиры считали, что их вотчинное право на землю, которым, кроме них, не владел ни один народ в Российской империи, являлось старым правом, существовавшим еще в период Золотой Орды [32, с. 112]. Целью Русского государства была не цивилизация аборигенных народов, а оперативное создание управленческих единиц (волостей) с юридически закрепленной за ними землей на условиях вотчинного права⁹.

О незначительности башкирской запашки в XVII – первой половине XVIII в. свидетельствуют акты припуска в башкирские вотчины, согласно которым припущенникам разрешалось строить мельницы на башкирской земле. В этих актах особо оговаривался пункт, по которому башкиры всей волости имели право молотить на мельнице хлеб без очереди. Один

⁵Народы Башкортостана... 528 с.

⁶Каршин [Электронный ресурс] // Энциклопедия Башкортостана. URL: <http://wiki02.ru/encyclopedia/karshin/t/6607> (дата обращения: 09.09.2025).

⁷Народы Башкортостана... С. 15.

⁸Акманов А. И. Аграрная политика правительства и землевладение башкирских общин во второй половине XVI – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2002. С. 26.

⁹Там же. С. 27.

из подобных актов касался башкир Каршинской волости Казанской дороги, которая в начале XVIII в. считалась одной из самых развитых в отношении земледелия [12, с. 114].

Свидетельством развития земледелия в регионе являлось увеличение количества мельниц. В западной части Башкирии работало 75 % мельниц¹⁰. По договорной записи от 10 марта 1715 г. Умир Кошуков, Нагайбак Текеляков, Колчура Бердыкеев и другие башкиры Каршинской волости припустили своих одноволощан (Мряка Султукова, Акбаша Иликеева, Рахмангула Тохтарова, кроме их братьев и родственников) в спорную вотчину с башкиром той же волости Азимбетом Сартовым «поселитца им дворами по Кармасану и по другим речкам, где похотят, пашня пахать и сено косить и всякими угодья владеть обща с ними, Умиром и Нагайбаком, кроме бортных ухажьев, в лесу всякого звери и птицу и в озерах и в речках рыбу ловить и где похотят, мельницы строить на речках»¹¹ (цит. по [25, с. 373]).

Из немногочисленных письменных источников известно, что в XVI в. представители башкирского рода Каршин служили в Касимовском ханстве, которое было основано Касим-ханом в 1452 г. на землях Мещёры, располагавшейся на территории современной Рязанской области и Мордовии [9, с. 12]. Касимовское ханство находилось в вассальной зависимости от Русского государства, т. е. каршинцы поступили на русскую службу еще до присоединения Башкирии к указанному государству [33, с. 109].

Показывая развитие феодальных отношений в XVII–XVIII вв. в башкирском обществе, исследователи ссылаются на пример старшины Казанской дороги Каршинской волости Шарипа Мрякова. Он был сыном Мряка – муллы Султукова, известного по опубликованному источнику 1711 г. С именем Мряка связано поселение Мряково, которое было коренным поселением каршинцев и ранее называлось «Карши», «Каршин», «Шарипово». Шарип Мряков принял участие в подавлении восстания башкир

1736–1739 гг. [25, с. 373]. Он 32 дня находился с генералом Л. Я. Саймоновым в походе против повстанцев. В 1738 г. генерал остановился с полками в Мряково. Они содержались за счет жителей близлежащих сел. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев отмечал, что «чрез главные старшины Казанской дороги Шарипа Мрякова руки сот с пять побито» (цит. по [25, с. 373]). В 1700 г. каршинцы рассказывали, что «они были на... великого государя службе под Азовом и в Донском походе и подводы гоняют беспрестанно денно и ночью стоят на большой Казанской дороге» [9, с. 20].

Н. Ф. Демидова отметила, что Шарип Мряков, будучи старшиной Каршинской волости Казанской дороги, использовал труд разоренных общинников для обработки земли [32, с. 76]. Основная часть каршинцев покинула родную волость по причине неприязненных отношений со старшиной [12, с. 171]. Таким образом, в середине XVIII в. численность каршинцев уменьшилась почти в десять раз. Шарип Мряков жадной наживы отталкивал от себя не только простых общинников, но и своих ближайших сослуживцев и одновотчинников в лице таких старшин и сотников Каршинской волости, как Аракай Акбашев, Якуп Аслаев, Мамяк Катиков и др. [9, с. 22]. Он занимался ростовщичеством, притеснял людей, которые отрабатывали долг в его доме. Кроме того, старшина участвовал в продаже жен и детей участников восстания офицерам, помещикам и чиновникам. Защищая свою жизнь, в 1742 г. Шарип Мряков добился от Л. Я. Саймонова назначения двух драгун для охраны его дома и защиты семьи. Однако эти действия не стали спасением от заслуженного наказания. Указом Правительствующего сената от 31 марта 1744 г. он был отстранен от старшинства [25, с. 185, 373].

В начале XIX в. башкиры стали одним из наиболее лояльных к России мусульманских народов. Они сыграли важную роль в присоединении Казахстана и Средней Азии к этому государству [12, с. 252].

Заключение

Начиная с эпохи Ивана IV и практически до конца существования Российской империи политика в отношении инородцев Поволжья и Урала была направлена на унификацию этнокультурного состава с целью сблизить тюркские и финно-угорские народы с восточными славянами. После завоевания Казанского ханства Русское государство начало проводить внутреннюю политику в отношении народов Среднего Поволжья и Южного Урала.

Башкирский народ состоял из более чем 40 территориально-клановых объединений. Одним из таких родов был род Каршин, от которого получила

название волость. Считается, что род произошел от монгольских и тюркских племен, населявших Алтай и Центральную Азию, а его наименование появилось после завоеваний Мавераннахра Чингисханом.

В 1730–1760 гг. в юго-восточные регионы России прибывали выходцы из Средней Азии – тезики. Примером основанного ими поселения является деревня Сарт-Наурузово. Об этом свидетельствует и Сапар Осипов. В 1745 г. он говорил о том, что башкиры издревле приходили из разных земель, включая Хиву, Бухару, Ташкент и другие города Средней Азии. Тезики стали селиться не в городе, а в башкирских

¹⁰Хадимуллин Р. Р. Социально-экономическое развитие западных башкир в XVII – первой половине XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Уфа, 2007. С. 19.

¹¹Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

волостях. Со временем бухарские и хивинские тезики ассимилировались башкирами. Важно отметить, что состав волостей, которые сами башкиры часто называли родами, мог быть неоднородным и включать представителей разных родов и даже других этносов. Ассимиляции способствовали их языковая близость и общность религии.

В XVI в. башкиры из рода Каршин служили в Касимовском ханстве, находившемся в вассальной зависимости от Русского государства, т. е. каршинцы

поступили на русскую службу задолго до присоединения Башкирии к названному государству. В 1700 г. каршинцы заявляли о своей верной службе под Азовом и в Донском походе, а также об обеспечении логистики на Казанской дороге. Однако в XVIII в. представитель рода Каршин Шарип Мряков принимал участие в подавлении башкирского восстания 1736–1739 гг., сотрудничав с карательными войсками. Тем самым он снискал негативную память о себе и был наказан со стороны русского правительства.

Библиографические ссылки

1. Семенова НЛ. Принципы региональной политики России в конце XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Оренбургского края). В: Моргунов КА. *Этнокультурный и межконфессиональный диалог в урало-поволжском полиэтническом пространстве: исторический опыт и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; 16 декабря 2011 г.; Оренбург, Россия*. Оренбург: Издательский центр Оренбургского государственного аграрного университета; 2012. с. 71–76.
2. Атнагулов ИР. Новая этническая карта Среднего Поволжья и Южного Приуралья как результат государственной политики в XVI–XIX вв. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2020;3:227–236. DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-227-236.
3. Гулямов ЯГ, редактор. *История Узбекской ССР. Том 1*. Ташкент: Фан; 1967. 722 с.
4. Конев АЮ. Между этничностью и сословностью: ясачное население Западной Сибири в XVII–XIX вв. В: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан. *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»*; 16 марта 2021 г.; Казань, Татарстан. Выпуск 1. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан; 2021. с. 180–193. EDN: XAWUIK.
5. Бакиева ГТ. *Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.)*. Миненко НА, редактор. Тюмень: Институт Тюменского научного центра Сибирского отделения АН; 2003. 258 с.
6. Самрина ЕВ. К вопросу о сословии «инородцев» в социальной структуре Российской империи. В: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан. *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»*; 16 марта 2021 г.; Казань, Татарстан. Выпуск 1. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан; 2021. с. 412–421. EDN: FRIPEF.
7. Акишин МО. Этнические общности Сибири в истории российского права: проблема дефиниций. *Юридическая техника*. 2016;10:60–67. EDN: VLKPMZ.
8. Кузеев РГ. *Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения*. Москва: Наука; 1974. 572 с.
9. Хамидуллин СИ, Юсупов ЮМ, Асылгузин РР, Шайхеев РР, Саитбатталов ИР, Зайнуллин АМ и др. *История башкирских родов. Каршин. Том 15*. Хамидуллин СИ, Гарипова ФХ, редакторы. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат; 2015. 228 с.
10. Кузеев РГ. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности. В: Бромлей ЮВ, Кузеев РГ, Бишиев АГ, Бикбулатов НВ, Жоанко ТА, Мажитов НА и др., редакторы. *Археология и этнография Башкирии. Материалы научной сессии по этногенезу башкир; 13–15 мая 1969 г.; Уфа, Россия. Том 4*. Уфа: Отделение истории Башкирского филиала АН СССР; 1971. с. 17–29.
11. Шоназаров ШБ. К этимологии топонима Карши. В: Максудов ФА, Анарбаев АА, Алимова ДА, Бабаджанов БМ, Бабаяров ГБ, Пуговкина ОГ и др., редакторы. *История материальной культуры Центральной Азии. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора Рустама Хамидовича Сулейманова; 23 октября 2024 г.; Ташкент, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 2024. с. 205–213.
12. Азнабаев БА. *Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII вв.* Уфа: Башкирский государственный университет; 2016. 370 с. EDN: WIXDTT.
13. Султанов ТИ. *Тимур и его империя*. Алматы: Мектеп; 2004. 146 с. (Слово седьмое).
14. Султанов ТИ. *Чингисхан и Чингисиды. Судьба и власть*. Москва: АСТ; 2006. 445 с.
15. Бартольд ВВ. *Сочинения. Том 3, Работы по исторической географии*. Беленицкий АМ, Бодырев АН, Брегель ЮЭ, Винников ИН, Гафуров ВГ, Кононов АН и др., редакторы. Москва: Наука; 1965. 713 с.
16. ал-Кашгари М. *Диван лугат ат-турк (свод тюркских слов). Том 1*. Кормушин ИВ, редактор; Рустамов АР, переводчик. Москва: Восточная литература; 2010. 461 с. (Памятники письменности Востока. СХХVIII).
17. Буриев О. Нахшаб – Карши: источники периода Темуридов. В: Гулямов СС, Зайниев Н, Алимова ДА, Сулейманов РХ, Бурятов ЮФ, Аширов АА и др., редакторы. *Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции, посвященной 2700-летию юбилею города Карши; 27 октября 2006 г.; Карши, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 2006. с. 210–214 (на узб.).
18. Массон МЕ. *Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен: из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965–1966 гг.)*. Шпак АА, редактор. Ташкент: Фан; 1973. 102 с.
19. Зимин ЛА. Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности. В: Шмидт АЭ, Бетгер ЕК, редакторы. *В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели*. Ташкент: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами; 1927. с. 197–214.

20. Асылгужин РР, Юсупов ЮМ, Галлямов ИВ, Шайхеев РР. *Без башкортлар. Кушнаренокский район*. Уфа: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан; 2019. 48 с. (В помощь краеведу).
21. Шоназаров ШБ. Археологическое изучение средневековых могильников Каршинского оазиса. *Вопросы истории, археологии и этнологии Центральной Азии*. 2018;3:39–47.
22. Смирнова ОИ. *Очерки из истории Согда*. Москва: Наука; 1970. 288 с.
23. Дубовиков АМ. Полиэтнический и поликонфессиональный характер уральского (яицкого) казачества. В: Моргунов КА. *Этнокультурный и межконфессиональный диалог в урало-поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; 16 декабря 2011 г.; Оренбург, Россия*. Оренбург: Издательский центр Оренбургского государственного аграрного университета; 2012. с. 56–62.
24. Кармышева БХ. *Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)*. Москва: Наука; 1976. 326 с.
25. Асфандияров АЗ. *История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий*. Уфа: Китап; 2009. 744 с.
26. Кузеев РГ, Васильев СМ, Гвоздиков ИМ, Иванков ВП, Сайранов ХМ, Усманов ХМ и др., редакторы. *Южноуральский археографический сборник. Выпуск 2*. Уфа: Башкирский филиал АН СССР; 1976. 450 с.
27. Ахунов МГ. Касимовские татары в Приуралье. В: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан. *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»; 16 марта 2021 г.; Казань, Татарстан. Выпуск 1*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан; 2021. с. 343–357. EDN: JNWTTL.
28. Хамидуллин СИ, Юсупов ЮМ, Асылгужин РР, Шайхеев РР, Саитбатталов ИР, Волков ВГ и др. *История башкирских родов. Елан. Том 9, часть 1*. Хамидуллин СИ, Гарипова ФХ, редакторы. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат; 2015. 720 с.
29. Гиниятов ИГ. К вопросу башкирского вотчинного землевладения. В: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан. *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»; 16 марта 2021 г.; Казань, Татарстан. Выпуск 1*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан; 2021. с. 300–329. EDN: LARYUH.
30. Тагирова ЛФ. Повседневность башкирского чиновничества первой половины XIX в.: воссоздание картины хозяйственно-бытового уклада. *Историческая этнология*. 2017;2(1):140–154.
31. Ногманов АИ. Российское законодательство XVII в. о землевладении татарского населения Среднего Поволжья. В: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан. *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»; 16 марта 2021 г.; Казань, Татарстан. Выпуск 1*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан; 2021. с. 148–160. EDN: UPVSQK.
32. Демидова НФ. *Башкирское восстание 1735–1736 гг.* [диссертация]. Москва: Институт истории АН СССР; 1955. 207 с.
33. Мухамедьяров ШФ. Тарханский ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. В: Александров ВА, Белявский МТ, Бем ЮО, Муравьев АВ, Шмидт СО. *Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова*. Москва: Наука; 1967. с. 104–109.

Получена 27.05.2025 / исправлена 07.10.2025 / принята 07.10.2025.
Received 27.05.2025 / revised 07.10.2025 / accepted 07.10.2025.